

ИСТОРИЯ

УДК 930.2:001.1

DOI: 10.18287/2542-0445-2017-23-3-7-11

С.И. Голенков*

СТРОГОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И «МАЛАЯ» НАУКА

В статье обосновывается тезис Хайдеггера о неточности как специфике строгости гуманитарного знания. Обоснование опирается на особый (текучий) характер данности предметов гуманитарных наук, который придает неточность понятиям этих наук. Строгость гуманитарного знания определяет не точность его терминологии, а ее адекватность.

Ключевые слова: гуманитарные науки, строгость, точность, неточность, адекватность, господствующая наука, «малая» наука.

Рассуждая о природе гуманитарного знания, Мартин Хайдеггер в работе *Время картины мира* сформулировал тезис о том, что «все гуманитарные науки и все науки о жизни именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными. (...) Неточность исторических гуманитарных наук не порок, а лишь исполнение существенного для этого рода исследований требования» [1, с. 44]. Говоря о сущностной неточности гуманитарного знания как исполнению строгости гуманитарных наук и всех наук о жизни, Хайдеггер в дальнейшем изложении не раскрывает содержания своего тезиса. Можно предположить, что для него это было само собой разумеющимся. Справедливость этого предположения превращается в уверенность, если принять во внимание тот факт, что тезис Хайдеггера четвертью века ранее был подробно рассмотрен Эдмундом Гуссерлем. В работе *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии* он проводит различие между геометрией как точной наукой об эйдетических сущностях и дескриптивным естествознанием, занимающимся «фактическими чувственно созерцаемыми образованиями» [2, с. 154].

Сам вопрос о такого рода различии, как известно, был впервые поставлен Вильгельмом Дильтеем, пытавшимся обосновать историческое знание как особый тип знания, выходящий за рамки классической новоевропейской науки. Дильтей различие исторического знания и естествознания объяснял различием их предметов. Позже Виндельбанд и Риккерт проводили различие между естествозна-

нием и знанием гуманитарным не столько по предмету, сколько по цели и применяемым методам. В русле этой традиции Эдмунд Гуссерль обосновывает правомерность дескрипции в качестве метода, необходимого и адекватно соответствующего феноменологии. Правомерность дескрипции вытекает из самого предмета феноменологического описания, каковым выступают «наглядные вещные данности», сущностной характеристикой которых становится *текучесть*. Текучесть описываемых феноменов, почерпнутая, как он пишет, «в простом бесхитростном созерцании», с необходимостью отличается в *неопределенность* используемых понятий. И эта их неопределенность, утверждает философ, не недостаток, а сущностная необходимость. «*Неопределенность* понятий, то обстоятельство, что сфера их применения — текучесть, не есть недостаток, за который следовало бы их корить, ибо для той сферы познания, какой они служат, они попросту неизбежны или же они даже в такой сфере единственно правомерны» [2, с. 154–155]. Текучие, постоянно изменяющиеся феномены принципиально невозможно фиксировать в точных геометрических понятиях, замечает Гуссерль. И напротив, понятия *существенно и неслучайно неточные*, выраженные словами «зазубренное, насеченное, в форме чечевицы, зонтичное», выражают сущность описываемых феноменов просто, ясно и вполне адекватно [2, с. 155]. Из всего этого он делает вывод о том, что полагать, будто «метод исторически данных априорных наук — все они без исключения суть *точные* идеальные науки, —

* © Голенков С.И., 2017

Голенков Сергей Иванович (sgolenkov52@gmail.com), кафедра философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

обязан быть безусловным образцом для всякой новой науки...— это только предрассудок, способный вводить в заблуждение: как будто на свете могут существовать только эйдетические науки одного-единственного методического типа, типа “точного”!» [2, с. 157–158]. Данный вывод у Гуссерля относится к трансцендентальной феноменологии как дескриптивной эйдетической науке, однако его вполне можно распространить на все дескриптивное знание. Дескриптивные науки, поскольку они имеют дело с постоянно изменяющимися, текучими феноменами, по своему существу должны быть неточными. Неточность гуманитарных наук (а это науки в основном дескриптивные) не есть их недостаток, порок или «изъян», но сама их природа.

Прежде чем пытаться искать ответы на вопрос о строгости неточного знания, рассмотрим трактовку точности и неточности в науке. Обсуждая генезис априорных наук, Гуссерль отмечает, что их точность есть результат исторического развития. В небольшой работе *Начала геометрии* он показывает, как из практических, утилитарных нужд на основе языка и изначальной интересуобъективности — из жизненного мира — складываются первые неточные геометрические идеальности. «В первичном устном сотрудничестве начинающих [свою науку] геометров отсутствовала, разумеется, потребность точного установления описаний для донаучного перво-материала и для тех способов, какими возникли связанные с этим геометрические идеальности, а затем и первые «аксиоматические» предложения [3, с. 230]. В своей последней большой работе *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология* он пишет, что из неточного описательного знания прото-геометрии, рожденной в качестве искусства измерения, постепенно вырастает точное математическое знание геометрии. Завершая свою мысль Гуссерль констатирует: «...Эмпирическое измерительное искусство и его эмпирико-практическая объективирующая функция при обращении практического интереса в чисто теоретический были идеализированы и в таком виде вошли в чисто геометрический способ мышления. Таким образом, измерительное искусство подготавливает путь для теперь уже универсальной геометрии и для ее «мира» чистых предельных гешталтов» [4, с. 46].

Значит ли это, что неточность описательного знания есть лишь «подготовительный путь» к точному знанию математизированных наук? а гуманитарные науки есть лишь «подготовительное знание»? как бы до-науки? И если на первую часть вопроса Гуссерль дает утвердительный ответ: неточность донаучного знания предшествовала и являлась прото-материалом для точного знания априорных наук, то по поводу научной «неполноценности» дескрипции гуманитарного знания он однозначно заявляет, что это предрассудок. Дескрипция — это принципиально иной метод научного знания, используемый в совершенно ином фундаментальном классе эйдетических наук [2, с. 157–158].

Почти через полвека вопрос различия наук, их существа и методов становится темой размышления Жюль Делёза и Феликса Гваттари в их совме-

стной работе над книгой *Капитализма и шизофрении: Тысяча плато*. Авторы *Тысячи плато*, опираясь на книгу Мишеля Серра *Рождение физики в тексте Лукреция: Реки и завихрения (1977)*, пишут о том, что Мишель Серр обнаружил в атомистике Демокрита и Лукреция Кара, а также геометрии Архимеда следы особого рода науки, который «весьма трудно классифицировать и чью историю довольно трудно проследить» [5, с. 604]. Этот род науки они называют по-разному, как «малая» наука, или «кочевая/номадическая наука», иногда как «архимедова» наука. Номадическую науку Делёз и Гваттари противопоставляют «королевской» или «имперской науке», науке, которая после Платона и Аристотеля стала законодательницей в определении ценностей и норм научного знания. Отмечу, что до Платона-Аристотеля обе модели теоретического знания формировались в атмосфере свободной конкуренции.

Делёз и Гваттари, следуя за Серром, проводят различие номадической науки и науки королевской по таким критериям. Во-первых, номадическая наука в исследовании природы использует гидравлическую модель, тогда как королевская наука строится по модели твердого тела. «Прежде всего она (т. е. номадическая наука. — С.Г.) использует гидравлическую модель, а не теорию твердых тел, рассматривающую жидкости лишь как частный случай; действительно, античный атомизм неотделим от потоков, поток и есть сама реальность, или консистенция» [5, с. 604]. Говоря об античном атомизме как основании гидравлической модели, они имеют в виду теорию образования тел у Демокрита. Согласно Диогену Лаэртскому, великий атомист говорил о том, что все тела слагаются вихрем из несущихся во Вселенной бесконечных по величине и количеству атомов, порождающих в этом вихре «все сложное — огонь, воду, воздух, землю, ибо все они соединения каких-то атомов...» [6, с. 346]. Образ вихря (позднее Эпикуром названного клинаменом), слагающего и разрушающего тела, послужил для авторов *Тысячи плато* основанием гидравлической модели. Во-вторых, гидравлическая модель — это модель становления и неоднородности, точнее, становления в неоднородном; тогда как модель твердого тела является моделью устойчивого вечного, тождественного и постоянного. В-третьих, гидравлическая модель номадической науки — это модель турбулентного потока, действующего в открытом пространстве, где распределяются вещи-потоки. Это модель гладкого (векторного, проективного или топологического) неисчисляемого пространства, которая противостоит рифленому (метрическому) исчисляемому пространству, в котором осуществляются линейные и твердые тела. В-четвертых, гидравлическая модель проблематична. В ней фигуры рассматриваются с точки зрения аффектаций, приключающихся с ними: деления, удаления, присоединения, прогнозирования. Она имеет дело со всякого рода деформациями, трансформациями, переходами к пределу, то есть с действиями, в которых фигуры обозначают события, а не сущности. Здесь идет движение от проблем к происшествиям, обуславливая

юшим и разрешающим эти проблемы. Модель твердых тел, напротив, *теоретична*. Теорема принадлежит рациональному порядку установленной сущности. Здесь движение идет от рода к его видам посредством установления специфических различий [5, с. 605–606]. Теорематическая фигура — это фиксированная сущность, например круг как идеальная сущность. Проблематическая же фигура — это трансформация, деформация, изъятие или увеличение теорематической фигуры. Вариации теорематической фигуры формируют строгие и неясные проблематические фигуры в виде «линзы», «зонтика» или «впадины» [5, с. 615].

Несмотря на оппозиционность королевской и номадической наук, они находятся в асимметричной взаимозависимости. Эта асимметрия заключается в господстве королевской науки над кочевой, поэтому Делёз и Гваттари ее еще называют *господствующей наукой*. Силу своего господства королевская наука получает от Государства, которое стремится с помощью правил и законов подчинить потоки, определить турбулентности, оседлать номадизм. Имея разные модусы формализации, «государственная наука не перестает навязывать собственную форму суверенитета изобретениям номадической науки» [5, с. 607]. Ограничения, контроль, локализация, подавление и запрещение номадической науки производятся подчинением ее гражданским и метрическим правилам, запрещающим развивать малой науке свои следствия в социальном поле, отмечали авторы *Тысячи плато*. Сами Делёз и Гваттари приводят пример с подчинением операциональной, проективной и описательной геометрии Архимеда аксиоматике геометрии Евклида, а также попытку избавить дифференциальное исчисление, которое долгое время считалось паранаукой, от динамических и номадических понятий (*становление, неоднородность, бесконечная малость, переход к пределу, непрерывная вариация* и др.), навязывая ему гражданские, статические и порядковые правила [5, с. 607–608].

Интересно в этой связи свидетельство Плутарха в *Застольных беседах* о мнении Платона относительно античных геометров, использующих для своих доказательств не мощь разума, а некие «механические приспособления», то есть дополнительные инструменты, помимо общепризнанных — циркуля и линейки. «Поэтому Платон, — пишет античный историк, — порицал последователей Евдокса, Архита и Менехма, пытавшихся произвести удвоение куба посредством механических приспособлений, так как они стремились найти две средние пропорциональные не при помощи разума, но каким-то другим возможным способом. Ведь при этом губится и извращается самое благо геометрии, если она вновь возвращается к чувственному от стремления ввысь к созерцанию вечных и бестелесных образов, общаясь с которыми «бог всегда остается богом» [7, с. 138–139].

Необходимо отметить, что сами геометры старались выводить своих математических изысканий, полученных при помощи механических и физических методов, представить затем в математической форме. Архимед пишет: «Некоторые вопросы

выяснились для меня сначала при помощи механического метода, после чего их надо было доказать геометрически, ибо исследование упомянутым методом не может дать подлинного доказательства» [8, с. 295].

Приведенные выше рассуждения Делёза и Гваттари о различиях и специфике господствующей и «малой» науки позволяют по-иному взглянуть на гуманитарное знание. С точки зрения критериев различия гуманитарные науки по своему объекту и субъекту знания, процессам, несомненно, ближе к наукам номадическим. Гуманитарные науки — это науки «прагматические», «проективные» и «дескриптивные» в смысле разыскания, описания, понимания и решения вопросов и проблем реальной человеческой жизни. А жизнь человеческая — и индивидуальная, и коллективная — скорее текущая, нежели устойчивая, индивидуально неповторимая, чем подобная, ее важнейшей сущностной чертой выступает время, она сама есть время и свобода. Исходя из этих соображений, становится ясно, что неточность гуманитарного знания — это его сущностная характеристика. Однако это все еще не свидетельствует в пользу строгости гуманитарного знания.

О неточности как строгости гуманитарного знания говорят не только философы (Гуссерль, Хайдеггер, Делёз, Гваттари), но и сами ученые. Приведу здесь высказывание известного историка Михаила Яковлевича Гефтера. В книге *Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством* Гефтер делает следующее замечание: «...Если говорить об исторической строгости, то лишь в меру исторической неточности» [9, с. 38].

Как известно, точность — это характеристика всякого измерения. Измерение в качестве процедуры представляет собой соотношение феномена с некоторой мерой. Процедуры измерения могут быть самыми разными: пространственными, временными, термодинамическим и т. д. Важным элементом этой процедуры является наличие меры (эталона длины, времени, энергии и т. д.). Процедура измерения состоит в соотношении установленной меры-эталона с измеряемым феноменом. Здесь важно отметить, что измерение (определение степени точности) возможно лишь при двух условиях: во-первых, феномен поддается измерению; во-вторых, для измерения феномена необходима соответствующая мера-эталон. Если хотя бы одно из этих условий не соблюдается, измерение невозможно. И еще один важный момент: числовая характеристика измеряемого феномена (его величина по параметру эталона) имеет *внешний* источник, каковым выступает мера-эталон. Иначе говоря, строгость точности не есть сущностная характеристика феноменов, поддающихся измерению. Только помещенные в пространство измерения феномены могут быть измерены. Но и здесь есть ограничение, о котором свидетельствует то обстоятельство, что измерение реальных феноменов всегда допускает величину погрешности.

В философии и логике «строгость» применительно к знанию рассматривается как комплексная

характеристика, включающая в себя определенность терминологии, достоверность оснований знания и обоснованность выводов [10; 11]. Строгость в них рассматривается применительно лишь к математизированному знанию, тем не менее его можно использовать и для характеристики гуманитарного знания. Однако необходимо учесть, что определенность терминологии, достоверность оснований и обоснованность выводов в гуманитарных науках будут выглядеть иначе.

Когда Гуссерль, Хайдеггер, Делёз и Гваттари говорят о строгости как неточности дескриптивных, гуманитарных или номадических наук, то они имеют в виду невозможность точного определения (в смысле математическом, измеримом) таких фигур, как, например, «круглое» или «зонтичное». Строгость такого рода терминов покоится на однозначности. Во *Введении* к Началам геометрии Гуссерля в сноске 148 на 164 странице Деррида пишет: «Чистые переживания могут достигать строгости, то есть однозначности, и не будучи точными, например, в до-научном мире» [3, с. 164]. В *Идеях*, сопоставляя строгость как точность математических понятий геометрии со строгостью неточных дескриптивных понятий естествоиспытателя, Гуссерль пишет: «...Самая совершенная геометрия и самое совершенное практическое овладение ею не помогут описывающему природу естествоиспытателю выразить (в точных геометрических понятиях) именно то, что он — просто, понятно и вполне адекватно — выражает словами «зазубренное, насеченное, в форме чечевицы, зонтичное» — сплошь понятия *существенно и неслучайно неточные* и именно поэтому нематематические» [2, с. 155]. Комментируя это место Деррида в своем *Введении* к Началам геометрии Гуссерля пишет, что тип «круглое» не перепутаешь с многообразием естественных форм, которые ему более или менее соответствуют в восприятии [3, с. 65]. Делёз и Гваттари фактически повторяют его аргумент в *Тысяче плато*: «...округлое есть неясная и текучая сущность, отличающаяся, одновременно, и от круга, и от округлых вещей (ваза, колесо, солнце...)» [5, с. 615]. Фактически все они говорят о том, что строгость неточности дескриптивного знания заключается в адекватности используемых понятий. Точности математизированного языка естествознания соответствует адекватность терминологии знания гуманитарного. И точность, и адекватность являются модусами однозначности и, следовательно, строгости употребляемых понятий.

И еще один аргумент в пользу неточности гуманитарных наук, не отменяющий их строгости, а, напротив, определяющий ее, звучит уже не от философа, а историка. В упомянутой выше книге, размышляя о строгости исторического знания, Михаил Гефтер замечает: «Столько лет выбивали из историка человека помнящего глупой идеей «объективности» как цензуры над его чувством свидетеля. Люди пишут, устранив себя как людей из того, чем они занимаются, они различимы только манерой письма. Добросовестный систематик материала боится сознаться, что это он так свидетельствует, а другой вспомнит совсем другое. Его

субъективность для данного случая как раз и есть его строгость свидетеля, поскольку оставляет поле для *иной памяти* [9, с. 38]. Непроизвольно возникает вопрос: каким образом Гефтер связывает субъективность свидетеля, его «так свидетельствование» со строгостью этого свидетельства? Здесь надо иметь в виду, что историк как человек помнящий и чувствующий в позиции «добросовестного систематика» не есть мнящая субъективность. Высказывания в науке, согласно Делёзу и Гваттари, принадлежат не человеку-ученому, а его «заступнику», которого они называют *частным* (или *частичным*) *наблюдателем*. В качестве такого персонажа в науке он существует как демон Лапласа или Максвелла, наблюдатель Эйнштейна или Гейзенберга. Частный наблюдатель — это не предел познания или субъективный источник высказываний, отмечают авторы [12, с. 166–167]. Этот частный (частичный) наблюдатель есть сила, способная воспринять и испытать на себе состояния вещей, тел и их смесей. Он представляет собой точку зрения, расположенную внутри самих вещей. Вот этот несубъективный, частичный наблюдатель, как пишут Делёз и Гваттари, «помещенный в удобной точке внутри самих вещей» [12, с. 169], и есть тот чувствительный элемент, который определяет качества научно определенных состояний вещей и самих отдельных вещей, воспринимая определенное количество информации о них. Своеобразным дублером частному наблюдателю в науке выступает концептуальный персонаж в философии. Если теперь мы взглянем на «добросовестного историка», о котором говорит Михаил Гефтер, как на частного наблюдателя, то от него, как строгого свидетеля, как раз и можно ожидать получения достоверного и строгого исторического знания.

Библиографический список

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
2. Гуссерль Э. Начала геометрии; Деррида Ж. Введение. М.: Ad Marginem, 1996.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория; Астрель, 2010.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
6. Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990.
7. Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1959.
8. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015.
9. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1165 (дата обращения: 5 апреля 2017).

10. Словарь по логике. М.: Туманит; ВЛАДОС, 1997. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/357> (дата обращения: 5 апреля 2017).

11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998.

References

1. Heidegger M. *Vremja kartinu mira* // Heidegger M. *Vremya i butie: Statii i vustuplenija*. М.: Respublika, 1993.

2. Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. T. 1. Obshchee vvedenie v chistuiu fenomenologiiu* [Ideas about the pure phenomenology and phenomenological philosophy. Vol. 1. General introduction to the pure phenomenology = *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*]. М.: Dom intellektual'noi knigi, 1999 [in Russian].

3. Husserl E. *Nachala geometrii* [Principles of geometry]; Derrida J. *Vvedenie* [Introduction]. М.: Ad Marginem, 1996 [in Russian].

4. Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naia fenomenologiya* [Crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. SPb.: Izdatel'stvo «Vladimir Dal'», 2004 [in Russian].

5. Delez J., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya*:

Tysiacha plato [Capitalism and schizophrenia. Thousand platos]. Ekaterinburg: U-Faktoriia, Astrel', 2010 [in Russian].

6. Diogenes Laërtius. *O zhizni, ucheniakh i izrecheniakh znamenitikh filosofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. М.: Mysl', 1979 [in Russian].

7. Plutarch. *Zastol'nye besedy* [Table talks]. Leningrad: Nauka, 1990 [in Russian].

8. Van der Waerden B.L. *Probuzhdaiushchiasia nauka. Matematika drevnego Egipta, Vavilona i Gretsii* [Awakening science. Mathematics of ancient Egypt, Babylon and Greece]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoi literatury, 1959 [in Russian].

9. Gefer M. *Tret'ego tysiacheletia ne budet. Russkaia istoriia igry s chelovechestvom. Razgovory s Glebom Pavlovskim* [There will be no third millenium. Russian history of games with population. Talks with Gleb Pavlovsky]. М.: Evropa, 2015 [in Russian].

10. *Filosofia: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy. Encyclopedic dictionary]. М.: Gardariki, 2004. Retrieved from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1165 (accessed April 5, 2017) [in Russian].

11. *Slovar' po logike* [Dictionary on logic]. М.: Tumanit, izd. tsentr VLADOS, 1997. Retrieved from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/357> (accessed April 5, 2017) [in Russian].

12. Deleuze J., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. М.: Institut eksperimental'noi sotsiologii, SPb.: Aleteia, 1998 [in Russian].

*S.I. Golenkov**

STRINGENCY OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND «SMALL» SCIENCE

The article substantiates the thesis of Heidegger on inexactitude as a specificity of stringency of humanitarian knowledge. The rationale relies on the special (flowing) nature of the given objects of the humanities, which gives the concepts of these sciences inexactitude. The stringency of humanitarian knowledge is determined not by the exactitude of its terminology, but by its adequacy.

Key words: humanitarian sciences, stringency, exactitude, inexactitude, adequacy, dominant science, «small» science.

Статья поступила в редакцию 20/X/2017.

The article received 20/X/2017.

* *Golenkov Sergey Ivanovich* (sgolenkov52@gamil.com), Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.